

ПРОБЛЕМА ВТОРОГО ФРОНТА В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Академик И. М. Майский

Более двенадцати лет прошло со времени окончания второй мировой войны. За рубежом, особенно в США и Англии, опубликовано огромное количество произведений, посвященных бурным событиям военных лет. Здесь есть и сборники официальных документов, и исторические монографии, и коллективные труды ученых, и мемуары видных политических и военных деятелей, и дневники современных «летописцев», и теоретические построения философов, и публицистические рассуждения журналистов, и многое другое. Качественно все эти произведения очень различны. Имеются среди них ценные с исторической точки зрения работы, но встречается и очень много макулатуры. Однако подавляющему большинству произведений названного характера свойственна одна общая черта: их открытая или завуалированная антисоветская направленность.

Критическое изучение зарубежной литературы о второй мировой войне и восстановление подлинной исторической истины с каждым днем становятся все более необходимыми. До сих пор советские историки занимались этим мало и редко. Пришла пора радикально изменить такое положение и методами научного анализа и обобщения дать надлежащую оценку зарубежной историографии о второй мировой войне, а также противопоставить ей подлинно научную, марксистскую концепцию происхождения, хода и исхода этой войны.

Руководствуясь указанными соображениями, я хочу коснуться в настоящей статье, статье историографического характера, проблемы второго фронта во второй мировой войне. Конечно, пока еще невозможно дать исчерпывающую картину борьбы, которая в 1941—1944 гг. происходила вокруг этой проблемы. Несмотря на количественное обилие зарубежной литературы о второй мировой войне, ряд важных моментов, относящихся к ее истории, в частности к истории второго фронта, до сих пор остается неосвещенным. Это — дело будущего. Однако к настоящему времени все-таки накопилось достаточно материалов для того, чтобы можно было набросать хотя бы основные линии развития событий, связанных с проблемой второго фронта.

Предпринимая такую попытку, я должен сразу же предупредить, что в основу своего изложения кладу опубликованную недавно в СССР переписку главы Советского правительства с американскими президентами и британскими премьерами в 1941—1945 годах. В статье также используется зарубежная мемуарная литература: воспоминания Черчилля, Эйзенхауэра, Стимсона и других видных политических и военных деятелей Англии и США и, кроме того, дневники, которые во время войны велись различными англо-американскими «летописцами».

Что касается многочисленных «Историй» второй мировой войны, появившихся в последние годы в Европе и Америке, то они вообще непригодны для исследования вопроса о втором фронте, ибо в произведениях этого рода данный вопрос почти всегда замалчивается, смазывается, а зачастую изображается совершенно неправильно.

Не лучше обстоит дело и с мемуарами англо-американских лидеров, игравших крупную роль в борьбе вокруг проблемы второго фронта. Но поскольку позицию многих из них в прошлом сурово критиковали, они пытаются задним числом оправдать ее, и это вынуждает их отводить немалое место данной проблеме. Стремясь обелить себя, они невольно рассказывают много интересных фактов и приводят любопытные документы. И так как отдельные мемуаристы далеко не всегда согласны друг с другом, то в результате вскрываются различные секреты и закулисные махинации, о которых в годы войны можно было только догадываться.

В чем состояла суть проблемы второго фронта?

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия, вероломно нарушив существовавший между ней и Советским Союзом пакт о ненападении, направила на нашу страну мощный военный удар. С германской стороны были введены в действие 190 дивизий (из них 153 немецких и 37 союзнических). Советская Армия была вынуждена к временному отступлению, сопровождавшемуся жестокими боями, в которых обе стороны несли большие потери. В ходе тяжелых оборонительных боев советские патриоты проявили высокий героизм и вписали немало славных страниц в историю войны. Но все-таки, несмотря на огромные потери немецких войск в первые месяцы войны, фашистские полчища в 1941 г. дошли до ворот Москвы и Ленинграда, в 1942 г. продвинулись до Волги и Северного Кавказа. Временно были потеряны огромные территории с 88 миллионами населения и богатейшими промышленными и сельскохозяйственными ресурсами.

Причины наших неудач в 1941—1942 гг. сложились из взаимодействия различных факторов. Одним из этих факторов было то, что с момента нападения гитлеровской Германии на СССР и вплоть до июня 1944 г. отсутствовал второй сухопутный фронт, достаточно крупный, чтобы отвлечь с советского фронта хотя бы 40—50 дивизий. Конечно, такой фронт не избавил бы СССР от тяжелой борьбы — да никто так и не ставил вопроса, — но он облегчил бы наше бремя, уменьшил наши потери в людях и материальных ценностях, а также сократил бы сроки и жертвы всей войны в целом. Длительное отсутствие второго фронта (о причинах этого речь будет ниже) неблагоприятно отразилось на действиях советских войск в первый период войны.

В результате отсутствия второго фронта в Европе Советскому Союзу пришлось в течение трех лет сражаться один на один против гитлеровской Германии и ее союзников, вынося на своих плечах основное бремя этой тяжелейшей из войн. Именно вследствие этого гитлеровцы могли в течение первого периода войны сконцентрировать на советско-германском фронте почти все свои вооруженные силы, в том числе наиболее опытные кадровые дивизии.

Под огнем врага путем гигантских усилий советскому народу, руководимому Коммунистической партией, удалось в конце концов преодолеть огромные трудности первого периода войны и довести развертывание военного потенциала страны до высшей точки. В последний период войны даже для врагов советского народа стало ясно, что СССР один на один, без второго фронта на Западе, в состоянии полностью разгромить гитлеровскую Германию.

Тем не менее, стремясь уменьшить жертвы, которые несли в войне народы СССР и других стран, Советское правительство на протяжении 1941—1944 гг. настойчиво добивалось открытия англо-американского фронта в Западной Европе, неутомимо предостерегая стоявшие на этом пути препятствия.

Требования открыть второй фронт шли с двух сторон — со стороны СССР и со стороны народных масс и определенных группировок правящих кругов в Англии и США.

Советское правительство уже в первые дни и недели Великой Отечественной войны сделало в Москве и Лондоне несколько дипломатических демаршей в этом смысле. Поскольку до 7 декабря 1941 г. США не участвовали в войне, советские демарши в течение первого полугодия после нападения Германии были адресованы только Англии, с которой СССР 12 июля 1941 г. заключил пакт о военной взаимопомощи. Так, 18 июля 1941 г. глава Советского правительства И. В. Сталин направил британскому премьеру Черчиллю свое первое личное послание, в котором писал: «Мне кажется..., военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудности создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции. Еще легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной легкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев»¹.

Ответ, данный Черчиллем 21 июля, был характерен как по форме, так и по существу. С одной стороны, британский премьер в своем послании заверял: «Все разумное и эффективное, что мы можем сделать для помощи Вам, будет сделано». С другой стороны, Уинстон Черчилль заявлял, что сколько-нибудь серьезный десант в Северную Францию в данный момент невозможен, ибо во Франции «немцы располагают сорока дивизиями, и все побережье более года укреплялось с чисто германским усердием», но что английское правительство готово предпринять некоторые операции в Арктике с помощью своих морских и воздушных сил. Кроме того, оно изучает возможность отправки в Мурманск нескольких эскадрилий британских самолетов-истребителей в помощь советским вооруженным силам в этом районе².

Цитируемое послание Черчилля, явившееся исходным пунктом длительной борьбы по вопросу о втором фронте, было типично для всех его дальнейших выступлений на данную тему. В своих письмах, телеграммах и речах британский премьер всегда был щедр на словесные заверения в своем желании оказать СССР максимальную помощь, но чрезвычайно скуп на претворение своих обещаний в конкретные дела. На пути к такому претворению он неизменно находил тысячу и одно препятствие.

Во втором послании главы Советского правительства, от 3 сентября 1941 г., вопрос о втором фронте был поставлен еще острее, чем раньше. Описав создавшееся к тому моменту чрезвычайно тяжелое положение на

¹ «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. 1. М. 1957, стр. 11.

² Там же, стр. 12—13.

советском фронте, И. В. Сталин отмечал: «Здесь уместен вопрос: каким образом выйти из этого более чем неблагоприятного положения? Я думаю, что существует лишь один путь выхода из такого положения: создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с восточного фронта 30—40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с. г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых или средних)»³.

Однако Черчилль и на этот раз отказался от создания второго фронта в 1941 году. «...в настоящее время, — писал он в послании от 6 сентября 1941 г., — нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с восточного фронта. Нет также никакой возможности создать второй фронт на Балканах без помощи Турции».

Больше того. Британский премьер не брал на себя никаких твердых обязательств и в отношении 1942 года. Он говорил: «Будут ли британские армии достаточно сильны для того, чтобы осуществить вторжение на европейский континент в 1942 году, зависит от событий, которые трудно предвидеть»⁴.

13 сентября 1941 г. И. В. Сталин снова поставил вопрос об английской помощи Советскому Союзу. В третьем личном послании на имя Черчилля он писал: «Если создание второго фронта на Западе в данный момент, по мнению Английского Правительства, представляется невозможным, то, может быть, можно было бы найти другое средство активной военной помощи Советскому Союзу против общего врага? Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25—30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции»⁵.

Но Черчилль отверг и этот план⁶. В дальнейшем было еще несколько обменов посланиями по вопросам, связанным с активной военной помощью СССР со стороны Англии, но линия Черчилля все время оставалась неизменной: он считал организацию второго фронта на Западе или отправку крупных континентов английских войск в СССР невозможными⁷.

После Пирл-Харбора и вступления в войну США советские требования второго фронта адресовались уже обеим союзным державам — Англии и США. При этом неизменно подчеркивалась крайняя срочность такого шага, убедительным обоснованием чего было тяжелое положение на советско-германском фронте в 1941 и 1942 годах. Число подобных советских демаршей за указанный период было очень велико. Они предпринимались в Москве, Лондоне и Вашингтоне и носили различные формы. В мае — июне 1942 г. были заключены два важных соглашения: во-первых, англо-советский договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны, сроком на 20 лет, и, во-вторых, советско-американское соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии⁸. Кроме того, 12 июня 1942 г. в Лондоне, Вашингтоне и Москве было опубликовано совместное коммюнике, в котором имелись

³ Там же, стр. 19.

⁴ Там же, стр. 20—21.

⁵ Там же, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 23—24.

⁷ В конце ноября 1941 г. английская сторона как будто готова была направить в СССР 3—4 дивизии, но после вступления в войну Японии этот проект отпал.

⁸ «Внешняя политика СССР в период Отечественной войны», Т. 1. М. 1946, стр. 270—276, 277—282.

следующие слова: «Между обеими сторонами была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»⁹.

Дипломатическая активность Советского правительства в пользу второго фронта энергично дополнялась выступлениями нашей печати и радио, встречами представителей советской, английской и американской обществественности. Особенно большое значение в этом смысле имел визит советской профсоюзной делегации во главе с Н. М. Шверником в Англию в самом начале 1942 года.

Требования организовать второй фронт шли и с другой стороны — со стороны различных общественных и политических кругов Англии и США. Что это были за круги?

Прежде всего рабочие, фермеры и примыкавшие к ним представители мелкой буржуазии и интеллигенции. Эти демократические элементы уже летом и осенью 1941 г. открыто высказывались за скорейшее создание второго фронта. Мотивы, двигавшие ими, были просты: для них война была антифашистской войной; они стремились к полному разгрому гитлеровской Германии; они хотели как можно быстрее покончить с войной, которая несла народным массам особенно тяжелые страдания. А сверх того они чувствовали искреннюю симпатию к советским рабочим и крестьянам, которые как раз в это время переживали особенно суровые испытания. Из всех этих мотивов вытекал вывод: надо возможно скорее открыть второй фронт, лучше всего в Северной Франции. Противники второго фронта пытались тогда, во время войны, и позднее, после ее окончания, изобразить борьбу демократических кругов Англии и США за второй фронт как «интриги» Советского правительства и «заговор» британской и американской коммунистических партий. На самом деле эта борьба отражала настроения и требования широких народных масс. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления, которые мы находим в англо-американской литературе о второй мировой войне. За недостатком места приведу только один пример.

Известный английский публицист крайне правого толка Кеннет де Курси, издававший во время войны регулярную летопись ее событий, писал 1 декабря 1942 г. (вскоре после того, как под Сталинградом началось контрнаступление советских войск): «Политическая агитация за второй фронт одно время грозила серьезными последствиями. Почти на каждом митинге, организованном английскими крайне левыми группировками, выдвигается тезис: отсутствие второго фронта объясняется злокозненным влиянием консерваторов, препятствующим мистеру Черчиллю проводить его политику». Кеннет де Курси здесь играет в наивность. Левые группировки в 1941—1942 гг. действительно объясняли отсутствие второго фронта влиянием консервативной партии, но неправильно говорить, что они считали, будто бы консерваторы «препятствовали мистеру Черчиллю» осуществить второй фронт. Левые группировки прекрасно знали — и это будет показано в дальнейшем изложении, — что сам Черчилль был противником второго фронта.

1 февраля 1943 г. (когда сталинградская битва была почти закончена) тот же автор замечал: «Давление на Англию в отношении открытия второго фронта на континенте постепенно увеличивается и, надо думать, превзойдет давление 1941 и 1942 годов... В этом году гораздо большее число людей высказывается здесь за второй фронт».

1 марта 1943 г. (спустя месяц после окончания сталинградской битвы) Кеннет де Курси писал: «В Англии основная реакция на военные со-

⁹ Там же, стр. 284, 285, 289.

бытия последних недель сводится к тому, что широкое общественное мнение считает войну в Европе близящейся к концу и полагает, что новый фронт на континенте должен быть открыт немедленно. Это требование очень важно и могущественно. Оно гораздо серьезнее, чем в 1942 году»¹⁰.

Все эти признания, исходящие от махрового «мюнхенца» и противника второго фронта, в высшей степени показательны. Вопреки воле автора, они явно говорят о том, что требование открытия второго фронта в Северной Франции было требованием широких масс английского народа.

Так же обстояло дело и в США. Здесь тоже имелся свой летописец событий второй мировой войны — политический деятель и публицист Ф. Нейльсон. Его записи затем были опубликованы. Он откровенно констатирует систематический рост настроений американских масс в пользу второго фронта на европейском континенте. 2 ноября 1943 г. Нейльсон подвел итог: «Я полагаю, что если было бы произведено голосование, то по крайней мере 80% американцев высказалось бы за второй фронт в Северной Европе, скажем, от Франции до Норвегии»¹¹.

Однако справедливость требует сказать, что второго фронта требовали и некоторые группировки внутри господствующих классов США и Англии. Чтобы лучше понять, что это были за люди и какие мотивы ими руководили, необходимо остановиться на политической ситуации, сложившейся в англо-саксонских странах во время второй мировой войны.

В США сразу же после Пирл-Харбора как в правящих кругах страны, так и среди широких масс стал вопрос: кого считать врагом № 1 — Германию или Японию? От этого зависело, куда в первую очередь направлять силы и средства для развертывания военных операций. Очень скоро основным противником была признана Германия. Это объяснялось прежде всего тем, что важнейшие монополистические группировки США, мечтавшие о мировом господстве американского империализма, видели своего главного конкурента — экономического и политического — в Германии, а не в Японии. Они стремились также в результате победоносной войны закрепить в Европе в большей степени, чем это было раньше. Исходя из коренных интересов американских монополий, а также под давлением антифашистских настроений широких масс американского народа, правительство США во главе с Рузвельтом признало главным врагом Германию.

Но против официальной линии правительства имелась серьезная оппозиция, которая полагала, что врагом № 1 является Япония. Эту точку зрения особенно отстаивали лидеры американского военно-морского флота во главе с адмиралом Кингом, поскольку война против Японии в основном была войной на море. Эту точку зрения поддерживали также определенные капиталистические группировки, конкурировавшие с японскими промышленниками; она была очень популярна среди населения тихоокеанского побережья США. В общем, «антияпонские силы» были слабее «антигерманских», но все-таки они представляли собой серьезный политический фактор и заставляли Рузвельта все время оглядываться на них.

Для Рузвельта, военной верхушки и стоявших за ними капиталистических группировок было в высшей степени важно возможно скорее прийти к победе над Германией с тем, чтобы после этого уже всеми силами обрушиться на Японию. Кратчайшим же путем для быстрейшей

¹⁰ Kenneth de Courcy. Review of World Affairs. London. 1941—1944. Vol. IV, p. 226; vol. V, p. 18, 32.

¹¹ F. Neilson. The Tragedy of Europe. Vol. IV. June 1943 — August 1944 (inclusive). Wisconsin. 1944, p. 212.

победы над Германией было вторжение англо-американских армий в Северную Францию и удар по Руру, который к тому же весьма интересовал американские монополии по соображениям финансово-экономического порядка. Вот почему с момента вступления США в войну американское правительство стало отстаивать трансламаншскую операцию, которую, однако, оно предпочитало называть не вторым фронтом, а просто вторжением во Францию. Разумеется, весь вопрос был в том, насколько эта официальная линия находила свое выражение не только в словах, но и в делах. Об этом речь будет ниже.

В Англии в среде господствующего класса тоже были люди, требовавшие второго фронта, например, Ллойд-Джордж, газетный король лорд Бивербрук — издатель «Daily Express», «Sunday Express», «Evening Standard» и др., который в годы войны был членом военного кабинета Черчилля и занимал различные министерские посты¹². Однако фигуры вроде Ллойд-Джорджа и Бивербрука были в Англии сравнительно редким исключением. В основной своей массе господствующий класс Англии являлся противником второго фронта во Франции, и Черчилль был и вдохновителем и рупором таких настроений. В основе их лежали две главные причины.

Во-первых, испокон веков английские правящие круги привыкли перекладывать бремя войны (особенно человеческие потери) на своих континентальных союзников. Эта традиция сохранилась и в годы второй мировой войны. Поэтому, британские стратеги относились отрицательно к вторжению во Францию, как к операции, которая, по их мнению, должна была потребовать от английских войск больших усилий и жертв. Не считаясь с возможным увеличением жертв СССР, они искали для себя более легких путей к победе над Германией: через окружение, через истощение, через внутреннее разложение врага.

Во-вторых, в течение более 400 лет правящие классы Англии строили свою внешнюю политику на принципе «равновесия сил» на европейском континенте. Это означало, что британское правительство стремилось поддерживать в Европе вражду между различными государствами и всеми средствами противодействовать образованию здесь одной могущественной державы, которая могла бы стать опасной для Великобритании. Эту традицию свято соблюдали предвоенные правительства Болдуина и Чемберлена, делавшие ставку на столкновение между гитлеровской Германией и СССР. Правительство Черчилля, хотя и заключившее 12 июля 1941 г. пакт о военной взаимопомощи с Советским Союзом, по существу, продолжало ту же линию. Оно маневрировало в вопросе о втором фронте с таким расчетом, чтобы Советская страна вышла из войны максимально

¹² Вскоре после войны известный американский журналист Роберт Шервуд, личный друг ближайшего советника президента Рузвельта Гарри Гопкинса, опубликовал двухтомную работу «Бумаги Гарри Гопкинса из Белого дома», снабдив их своими комментариями. Этот труд, вышедший в свет в 1949 г. в Лондоне, является одним из источников по вопросам, связанным с политикой США и Англии во второй мировой войне. В работе Шервуда приводится, между прочим, меморандум Бивербрука, адресованный осенью 1941 г. Гопкинсу. В этом меморандуме говорилось: «По моему возвращению из России около середины октября 1941 г. я высказался в пользу второго фронта для оказания помощи русским... Сейчас нет более важной военной проблемы, чем проблема: как помочь России?.. Чистая нелепость утверждать, будто мы ничего не можем сделать для России. Мы можем, если решим отказаться от проектов... которые в изменившихся условиях совершенно устарели. Спротивление России открыло перед нами новые перспективы. Оно создало взрывчатую ситуацию в каждой оккупированной стране и открыло для высадки британских войск береговую линию длиной в 2 000 миль... Было бы безумием еще чего-то ждать. Мы должны ударить сейчас, пока не поздно!» (R. Shegwood. The White House Papers of Harry Hopkins, an Intimate History. Vol. I. London. 1949, p. 395—396).

Эту позицию Бивербрук сохранил и в дальнейшем, ведя борьбу за второй фронт в правящих кругах Англии и США, вплоть до того момента, когда второй фронт стал наконец реальностью.

ослабленной. Отсюда систематические затяжки со стороны правящих кругов Англии в вопросе об открытии второго фронта. Если, тем не менее, второй фронт в конце концов все-таки был создан, если СССР в результате войны стал гораздо могущественнее, чем был раньше, то это зависело уже от причин, над которыми английский господствующий класс не был властен.

Такова была расстановка сил по вопросу о втором фронте в англо-американском лагере.

Переходя к описанию конкретных событий борьбы по вопросу о втором фронте внутри антигитлеровской коалиции, следует прежде всего отметить, что она имела два аспекта. Борьба шла, во-первых, между СССР и его англо-американскими партнерами. Это была главная линия. Однако была и вторая линия борьбы — между Англией и США, далеко не столь важная, как первая, но все-таки заслуживающая внимания. Обе линии перекрещивались и влияли друг на друга, и события тех лет нельзя правильно понять без учета их обеих. В то время как обстоятельства, связанные с главной линией, с самого начала были ясны, обстоятельства, связанные со второй линией, в годы войны были сильно завуалированы занавесом секретности, и, как это ни странно, строгой секретности от советской стороны. О них тогда можно было только догадываться. Теперь в материалах англо-американской историографии разногласия между Англией и США по вопросу о втором фронте в Северной Франции выступают совершенно отчетливо. Хотя эти разногласия не носили принципиального характера и, как увидим ниже, допускали возможность компромиссов, они в конечном счете все же выражали экономические и стратегические противоречия между английским и американским капиталом.

Что касается историографических материалов, которые только что были упомянуты, то среди них надо отметить шесть томов мемуаров Черчилля, вышедших в Лондоне под заглавием «Вторая мировая война». Они представляют интерес как с точки зрения содержания, так и личности автора. С них я и начну.

В этих мемуарах материалы о втором фронте занимают важное место, и по очень простой причине.

«Так много сказок, — пишет Черчилль, — было опубликовано о моем органическом отращивании к сухопутным операциям крупного масштаба на континенте, что очень важно установить действительную истину»¹³.

И Черчилль с большим усердием старается это сделать. Однако чем больше вчитываешься в соответствующие места его воспоминаний, тем меньше убеждают приводимые им аргументы. В самом деле, свою общую позицию по вопросу о втором фронте Черчилль характеризует в следующих словах: «Я всегда считал, что война может быть выиграна только путем решительной атаки на оккупированные немцами страны и притом в возможно более широком масштабе. Лето 1943 г. должно было быть намечено в качестве момента такой атаки»¹⁴.

Но когда в доказательство своей «приверженности» к идее второго фронта Черчилль приводит меморандум от 18 декабря 1941 г., направленный им Рузвельту, то получается совсем иная картина. На этом меморандуме стоит остановиться, ибо он сыграл крупнейшую роль в определении англо-американской линии по вопросу о втором фронте.

Прежде всего интересна дата меморандума. С 6 на 7 декабря 1941 г. японцы напали на Пирл-Харбор, и США тем самым были вовлечены во вторую мировую войну. Меморандум написан через 11 дней после этого. Меморандум написан также после того, как Советский Союз, подвергший-

¹³ W. Churchill. The Second World War. Vol. III. London. 1950, p. 581.

¹⁴ Там же.

ся нападению со стороны Германии 22 июня 1941 г., уже неоднократно требовал от Англии открытия второго фронта в Северной Франции, и при этом в самом срочном порядке.

Теперь обратим внимание на содержание меморандума. Он очень длинен, и я лишен возможности привести его здесь текстуально. Ограничусь поэтому изложением его сущности.

Меморандум состоит из трех частей. Первая часть касается войны в Атлантическом океане, вторая — войны в Тихом океане, третья трактует военные операции на суше (кампания 1943 г.). Именно эта последняя часть представляет для нас интерес.

Здесь Черчилль намечает развертывание сухопутных операций англо-американцев в Европе, но не раньше лета 1943 г., то есть через полтора года после вручения меморандума Рузвельту и через два года после нападения гитлеровской Германии на СССР. И это в то время, когда фашистские полчища стояли у ворот Москвы и Ленинграда!

В третьей части меморандума перечисляются условия, даже при наличии которых развертывание сухопутных операций станет возможным только летом 1943 года. Вот эти условия: 1) если операции на Атлантическом и Тихоокеанском фронтах в 1942 г. будут успешны; 2) если англичане и американцы вернут себе морское преобладание на Тихом океане; 3) если Британские острова останутся целыми и будут укреплены лучше, чем когда-либо, против опасности вторжения; 4) если все побережье Западной и Северной Африки, от Дакара до Суэцкого канала, а также побережье Леванта, вплоть до турецкой границы, будет в англо-американской власти; 5) если Турция, хотя бы и не воюя, окончательно включится в англо-американо-русский фронт; 6) если Англия, США и СССР будут иметь решительный перевес над врагом в воздухе; 7) если позиции СССР будут прочно стабилизированы; 8) если английские и американские войска станут твердой ногой в Сицилии и Италии.

По мнению Черчилля, только при наличии всех перечисленных условий Англия и США летом 1943 г. смогут перейти к широкому развертыванию операций по освобождению оккупированных немецко-фашистскими войсками стран — Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, французского берега Ламанша и Атлантики, Италии и, возможно, Балкан. Выбор места или мест, где должны были бы высадиться англо-американские войска, откладывался на будущее. Потребные силы исчислялись примерно в 1 600 тыс. человек, в том числе 40 бронетанковых дивизий¹⁵.

Черчилль, видимо, считает приведенный меморандум коронным свидетельством своей готовности пойти навстречу СССР и открыть второй фронт в Северной Франции. Однако на всякого беспристрастного человека содержание меморандума должно произвести как раз обратное впечатление.

В самом деле, во-первых, Черчилль намечает вторжение на лето 1943 г., в то время как СССР в течение июня — декабря 1941 г. требовал в связи с тяжелым положением на советском фронте открытия второго фронта в самом срочном порядке, конкретно — в том же 1941 году.

Во-вторых, Черчилль ставит развертывание крупных сухопутных операций в Европе в зависимость от стольких предварительных условий, что невольно возникает вопрос: а возможно ли было вообще их одновременное совпадение, в частности, к лету 1943 года?

В-третьих, Черчилль, говоря о сухопутных операциях «в Европе», перечисляет чуть ли не десяток различных пунктов, где могла бы произойти высадка англо-американских войск — от Нордкапа до Балканского полуострова. Между тем к декабрю 1941 г. понятие второго фронта, которого требовал СССР, окончательно выкристаллизовалось: это была Северная Франция.

¹⁵ Там же, стр. 580—584.

Таким образом, меморандум от 18 декабря 1941 г. вообще нельзя рассматривать как проявление особенной ревностности Черчилля и возглавляемого им правительства ко второму фронту, скорее, его надо понимать как несколько завуалированный отказ от организации второго фронта, во всяком случае, от открытия его в срочном порядке. Такая оценка названного документа подтверждается и некоторыми другими свидетельствами, прежде всего свидетельством самого Черчилля. Так, в другом месте своих мемуаров он пишет: «Читатель этих томов ясно видит, что, хотя я всегда был готов присоединиться к США в организации прямой атаки, через пролив, германского морского фронта во Францию, я никогда не был убежден, что это является единственным путем для выигрыша войны, и я всегда знал, что такая операция будет очень трудным и рискованным предприятием»¹⁶.

В недавно вышедшей в Лондоне книге «Поворот прилива», основанной на дневниках и записях начальника британского имперского Генерального штаба времен войны Алана Брука, изложен план генеральной стратегии последнего.

«Моя первоначальная политика, от которой я никогда не отклонялся,— пишет Алан Брук,— состояла в том, чтобы сначала завоевать Северную Африку и открыть таким образом коммуникации через Средиземное море, высвободив суда грузоподъемностью около миллиона тонн благодаря возможности отказаться от пути вокруг Мыса Доброй Надежды; затем вывести Италию из войны, вовлечь в войну Турцию, создать угрозу для Южной Европы и, наконец, освободить Францию»¹⁷.

Комментируя стратегический план Алана Брука, автор книги Артур Брайант пишет: «Такова была политика, которую, по настоянию Алана Брука, приняли Англия и Америка и которую они, несмотря на многочисленные разногласия, систематически проводили»¹⁸.

Невольно возникает вопрос: кто был родоначальником идей, положенных в основу меморандума от 18 декабря,— Черчилль или Алан Брук?

Существует мнение, что Алан Брук сильно преувеличивает свою роль. Такую точку зрения развивал, например, в мае 1957 г. американский морской историк С. Е. Морисон в лекциях, прочитанных им в Оксфордском университете¹⁹. Оставляя, однако, в стороне вопрос об авторстве, необходимо теперь же сказать, что стратегия, изложенная в меморандуме от 18 декабря, сыграла очень большую роль в определении курса англо-американских военных операций в 1942—1943 годах.

Чрезвычайно любопытно свидетельство другого важного источника — уже упоминавшегося двухтомного труда Роберта Шервуда «Бумаги Гарри Гопкинса из Белого дома»²⁰. В этом труде мы находим такую характеристику отношения Черчилля ко второму фронту.

«Наш опыт,— говорится там,— показывал, что, хотя премьер-министр обычно в принципе давал восторженное и красноречивое одобрение вторжению в Северную Францию, он неизменно уклонялся от того, чтобы

¹⁶ Там же. Т. V, стр. 514.

¹⁷ Arthur Bryant. *The Turn of the Tide. 1939—1943*. London. 1957, p. 530. Во время войны Алан Брук вел дневник для того, чтобы информировать жену, оставшуюся в Англии, о событиях своей жизни. По существу, весь дневник посвящен ведению войны. Алан Брук систематически отсылал жене тетради дневника по мере их заполнения. Они и легли в основу книги Брайанта. Эти тетради дополнены некоторыми автобиографическими записями Алана Брука.

¹⁸ Arthur Bryant. Указ. соч., стр. 29.

¹⁹ «Times», 17 мая 1957 года.

²⁰ Гопкинс в июле 1941 г. посетил Москву и вел здесь переговоры с Советским правительством по вопросам военного снабжения. Его доклад президенту сыграл большую роль в благоприятном разрешении этих вопросов на «Атлантической конференции» Рузвельта и Черчилля в середине августа 1941 года. Гопкинс, отражая настроения определенных американских кругов, был сторонником второго фронта и энергично содействовал его осуществлению.

признавать его конкретным фактом, подлежащим осуществлению в точно определенный срок. Премьер-министр предпочитал верить в то, что мощь Германии может быть подорвана путем истощения, после чего наступит крах. Тогда высадившиеся во Франции англо-американские силы пойдут триумфальным маршем от Ламанша до Берлина, встретив по пути лишь немногие пули снайперов»²¹.

В высшей степени показательны и следующие слова генерала Эйзенхауэра в его книге «Крестовый поход в Европу»: «Я никогда не слышал, чтобы Черчилль настаивал или предлагал полностью отказаться от плана «Оверлорд» (условное обозначение вторжения в Северную Францию.— И. М.). Насколько я мог понять, его убеждение сводилось к тому, что когда-нибудь, в неопределенном будущем, союзники должны будут пересечь пролив. Но он, видимо, считал, что наши атаки в других местах должны продолжаться до тех пор, пока враг будет вынужден снять большую часть своих войск из северо-западной Европы, а после этого союзники войдут туда легко и безопасно»²².

Таким образом, ряд серьезнейших свидетельств (включая свидетельство самого Черчилля) позволяет сделать вполне обоснованное заключение о позиции британского премьера в вопросе о втором фронте в Северной Франции. Эта позиция, по существу, сводилась к тому, чтобы всячески избегать создания второго фронта и стремиться поставить Германию на колени посредством ее истощения и развертывания военных операций на второстепенных направлениях, возлагая, таким образом, основное бремя войны на Советский Союз. Такая политика означала удлинение сроков войны и увеличение жертв и материальных потерь в СССР и оккупированных врагом странах.

Меморандум Черчилля от 18 декабря 1941 г. был лишь началом в длинной цепи последующих событий, связанных с открытием второго фронта в Северной Франции.

Этот меморандум подвергся тщательному обсуждению в Вашингтоне, после чего правительство США выработало то, что можно назвать «американским планом» военных операций. В основу его был положен меморандум, представленный начальником американского Генерального штаба генералом Маршаллом. Важную роль при выработке меморандума играл генерал-майор Эйзенхауэр. Суть «американского плана» сводилась к следующему: первое большое наступление союзников должно быть проведено в Западной Европе; здесь такое наступление можно организовать быстрее, чем в каком-либо другом месте; здесь союзники могут обеспечить себе локальное превосходство в воздухе; здесь Англия и США легче, чем где бы то ни было, могут сконцентрировать необходимые наземные силы; здесь благодаря близости расстояния от базы наступления — Англии — до фронта в Северной Франции потребуется меньше всего тоннажа, в котором тогда ощущался большой недостаток; здесь США, Англия и СССР могут объединить свои силы в совместном наступлении на общего врага; здесь, наконец, можно оказать максимум помощи СССР с целью облегчить положение на советском фронте²³.

Как видим, аргументы Маршалла были прежде всего чисто военными аргументами. Не случайно оказание поддержки Советскому Союзу он упоминает в последнюю очередь. Таким же было отношение к вопросу о помощи СССР и у других американских генералов²⁴.

²¹ R. Sherwood. The White House Papers of Harry Hopkins, an Intimate History. Vol. II. London. 1949, p. 762.

²² D. Eisenhower. Crusade in Europe. New York. 1951, p. 199.

²³ См. R. Sherwood. The White House Papers... Vol. II, p. 524.

²⁴ См., например, Captain H. Butcher. My Three Years With Eisenhower. The Personal Diary. New York. 1946, p. 18. Батчер был адъютантом Эйзенхауэра по морским делам.

Программа действий, представленная Маршаллом, была одобрена Рузвельтом и энергично поддержана Гопкинсом, а также другими руководящими деятелями США. В соответствии с данной программой был построен весь «американский план». Сущность его сводилась к тому, что весной 1943 г. должно последовать англо-американское вторжение в Северную Францию силами 48 дивизий (в том числе 9 механизированных), из которых 30 дадут США и 18 — Англия. Вторжение будет поддержано воздушным флотом в 5 800 боевых самолетов, из них 3 250 американских и 2 550 английских. Вся эта операция, получившая позднее название «Оверлорд», должна была считаться основной военной операцией Англии и США в течение по крайней мере двух ближайших лет.

«Американский план» предусматривал еще одну вспомогательную операцию, получившую название «Большой молот» («Sledgehammer»), а именно — высадку осенью 1942 г. на французском берегу Ламанша десанта в 5—6 дивизий, но только в одном из двух случаев: если в Германии неожиданно обнаружится глубокий внутренний развал или если ситуация на советском фронте резко ухудшится²⁵.

При сравнении «американского плана» с меморандумом Черчилля от 18 декабря 1941 г. становится ясным, что Рузвельт и Маршалл, хотя и отбросили некоторые из многочисленных «если» британского премьера и высказались за вторжение в Северную Францию, а также признали допустимой при известных условиях операцию «Большой молот», все-таки сохранили главный тезис черчиллевского меморандума, а именно организацию второго фронта только в 1943 году.

8 апреля 1942 г. Гопкинс и Маршалл прибыли в Лондон в качестве представителей Рузвельта и в течение недели вели переговоры с английскими представителями о выработке общего англо-американского плана военных операций. За несколько дней до того Рузвельт писал Черчиллю: «Дорогой Уинстон, всем умом и сердцем поддерживаю то, что вам передадут Гарри (Гопкинс.— И. М.) и Маршалл. Ваш народ и наш народ требуют установления фронта для облегчения давления на русских, и наши народы достаточно умны, чтобы понимать, что в настоящее время русские убивают больше немцев и уничтожают больше вооружения, чем мы с вами вместе взятые»²⁶.

Гопкинс, ежедневно информируя Рузвельта о ходе переговоров, сообщал, что члены военного кабинета Иден и Литлтон сочувствуют американскому плану, но что Черчилль не склонен принимать этот план всерьез²⁷.

Решающее заседание состоялось 14 апреля 1942 года. Присутствовали Черчилль, Эттли, Иден, Литлтон, Александер, Григг, Синклер — все члены английского военного кабинета, а также начальники штабов — Алан Брук, маршал авиации Портал, генерал Исмей и адмирал Паунд. От американцев были Гопкинс и Маршалл. Вот как Шервуд описывает это заседание:

«Касаясь «важных предложений», привезенных мистером Гопкинсом и генералом Маршаллом от президента, Черчилль заявил о своем сердечном и безоговорочном согласии с ними, подчеркнув, что эти предложения основаны на классических принципах ведения войны. Однако дальше Черчилль заявил, что наиболее острой и неотложной проблемой момента является зловещая опасность соединения германских сил, наступающих через Средний Восток, с японскими силами, наступающими через Индию. Значительная часть англо-американских ресурсов в живой силе и военных материалах должна быть брошена для предупреждения

²⁵ R. Sherwood, The White House Papers... Vol. II, p. 523—524.

²⁶ См. W. Churchill. Указ. соч. Т. IV, стр. 281.

²⁷ R. Sherwood, The White House Papers... Vol. II, p. 531.

такого соединения. Наиболее важными пунктами, куда они должны быть направлены, являются Бирма, Цейлон и Индийский океан»²⁸.

Затем выступил Маршалл и подробно развил «американский план», выразив удовлетворение тем, что по «основным принципам» взгляды англичан и американцев совпадают. Маршалл энергично поддерживал операцию «Большого молота», настаивал на немедленном усилении воздушных бомбардировок Германии и подчеркивал важность повторных рейдов на длинную береговую линию оккупированных немцами стран.

Далее взял слово начальник имперского Генерального штаба Алан Брук, который, подобно Черчиллю, приветствовал «в принципе» американский план, но считал, что сейчас, немедленно, следует поставить в центре внимания предупреждение соединения германских и японских сил.

Гопкинс произнес большую речь, в которой заявил, что американские войска отправляются за границу в качестве бойцов, которые должны схватиться с врагом. Западная Европа — единственное место, где это легче всего сделать. Вот почему Рузвельт настаивает на вторжении в Северную Францию.

Эттли высказал мнение, что пришла пора вырвать военную инициативу из рук врага, а Иден указал на большое политическое значение англо-американского наступления в Европе. Это подняло бы дух народов оккупированных стран, русских и даже самих англичан, которым надоело уже два с половиной года только обороняться.

После выступлений начальников штабов Черчилль дал Гопкинсу заверение, что «британское правительство и британский народ в полной мере и безоговорочно сделают свой вклад в успех великого предприятия».

«На следующий день,— пишет Шервуд,— Гопкинс восторженно телеграфировал Рузвельту, что английское правительство в основном согласно с американскими предложениями, а Маршалл подтвердил это в сообщении военному министру. Маршалл писал, что английское правительство «немедленно и энергично приступает к подготовке главной операции»²⁹.

Итак, казалось, вопрос о создании второго фронта в Северной Франции был разрешен, и разрешен положительно, хотя и без должного учета жизненных интересов СССР. В то время как советский народ и его армия в 1941—1942 гг. нуждались в самой срочной и энергичной помощи со стороны союзников, открытие второго фронта откладывалось на 1943 год. Но даже и это свое обязательство, как увидим ниже, правящие круги США и Англии не сдержали. В 1941 г., когда на Западе воевала одна Англия, положение было неудовлетворительным, но по крайней мере ясным. Черчилль, ссылаясь на недостаток сил и средств, вполне определенно отказывал Советскому Союзу в создании второго фронта. В 1942—1943 гг., когда на Западе воевали Англия и США, положение стало еще более неудовлетворительным: англичане и американцы неоднократно обещали открыть второй фронт и затем систематически нарушали свое слово. Главная ответственность за это ложилась на США, ибо при том соотношении сил, которое существовало между двумя странами, Вашингтон всегда имел полную возможность добиться соблюдения раз данного обещания. Если, однако, оно не выполнялось, и притом неоднократно, то это происходило потому, что американские правящие круги долгое время не считали нужным занять твердую позицию. Ниже мы увидим, что, когда в Квебеке (август 1943 г.) США, учитывая победы Советской Армии, были вынуждены занять такую позицию, вопрос о втором фронте был сразу решен в положительном смысле.

²⁸ Там же, стр. 540.

²⁹ Там же, стр. 542—543.

Однако вернемся к описанию хода событий. Американский генерал Арнольд, вспоминая те дни в своей книге под претенциозным названием «Мировая миссия», пишет: «В начале 1942 г. ситуация, казалось, представляла золотой шанс для такого смелого удара (через Ламанш. — И. М.)... Военный министр Стимсон сочувствовал ему»³⁰.

Генерал Эйзенхауэр в своей книге «Крестовый поход в Европу» также заявляет, что в мае 1942 г. он «думал об атаке (через Ламанш. — И. М.) в начале 1943 года..., осуществляемой на первых стадиях британскими войсками при поддержке, возможно, 10—12 американских дивизий»³¹.

Такие настроения еще более укреплялись благодаря некоторым событиям политического характера. Во время апрельских совещаний в Лондоне Рузвельт телеграфировал Сталину, прося направить в Вашингтон министра иностранных дел СССР в сопровождении военного представителя³². В мае — июне 1942 г. такая поездка в Лондон и Вашингтон действительно состоялась. Советские представители вели переговоры с английскими и американскими правительствами по вопросам политическим и военным. По вопросу о втором фронте, занимавшему главное место в переговорах, 12 июня было опубликовано известное коммюнике, которое я цитировал выше. Это коммюнике говорило об открытии второго фронта в 1942 г. и тем самым еще более укрепляло уверенность широких масс в Европе и Америке, что наконец-то англо-американские войска ударят в тыл гитлеровской Германии.

Невольно возникает вопрос: как могли Черчилль и Рузвельт, только что договорившиеся об открытии второго фронта в 1943 г., обещать советскому правительству его создание уже в 1942 году?

Впоследствии Черчилль пытался оправдать свое поведение тем, что в момент подписания коммюнике он передал советскому министру иностранных дел меморандум, который надо было понимать как скрытый отказ связать себе руки по вопросу о втором фронте в 1942 году. А Рузвельт ссылаясь на то, что при подписании коммюнике он допускал возможность операции «Большой молот» осенью того же 1942 года. Однако эти аргументы звучат малоубедительно.

Фактически правящие круги западных стран вводили в заблуждение народы Англии и США, вводили в заблуждение союзника, особенно же широкие массы советских рабочих и крестьян. А это, отвлекаясь даже от моментов этического характера, имело весьма нежелательные политические последствия, когда истина затем стала выясняться.

Не успели высохнуть чернила, которыми было написано коммюнике от 12 июня, как английская сторона стала уже готовить срыв второго фронта не только в 1942, но и в 1943 году.

19 июня, то есть через 7 дней после опубликования коммюнике, в США прибыл Черчилль в сопровождении своих советников. Он сразу же вручил Рузвельту письменный документ, в котором сообщал, что, согласно апрельской договоренности между двумя правительствами, Англия ведет необходимую подготовительную работу для высадки 6—8 дивизий во Франции в сентябре 1942 г., однако английский кабинет высказывается против этой операции, в успех которой он не верит. Английский кабинет считает, что попытка осуществить «Большой молот» осенью 1942 г. только помешает реализации «Оверлорда» в 1943 году. Поэтому Черчилль заявлял, что надо сосредоточить все усилия на подго-

³⁰ H. H. Arnold. General of the Air Force. Global mission. New York. 1949, p. 304.

³¹ D. Eisenhower. Указ. соч., стр. 66.

³² R. Sherwood. The White House Papers... Vol. II, p. 533.

товке главного наступления в Северной Франции в будущем году. И дальше британский премьер ставил вопрос: могут ли, однако, англичане и американцы оставаться пассивными в течение тех 12 месяцев, которые отделяют их от начала «Оверлорда»? И отвечал: нет, не могут! Они должны проявить активность, которая принесет им выгоды и хоть отчасти облегчит положение на советском фронте. В данной связи Черчилль предложил «изучить» военную операцию, в дальнейшем получившую условное название «Факел», — операцию, имевшую своей целью завоевание Французской Северной Африки.

Стимсон и Маршалл возражали против «Факела». Было ясно, что завоевание Северной Африки потребовало бы такого количества времени, сил и средств, которое исключало бы возможность одновременной подготовки к вторжению в Северную Францию в 1943 году. Вопрос стоял так: или — или.

26 июня Черчилль покинул Вашингтон. Ему не удалось добиться отказа от апрельских решений, однако по возвращении в Англию он не оставил своей идеи. В своих мемуарах он откровенно говорит: «Во время этого июля (1942 г. — И. М.), когда политически я был слабее всего и не имел никаких военных успехов, мне приходилось добиваться от США решения, которое к добру или злу определило нашу стратегию на ближайшие два года войны. Это был отказ от всех планов трансламанских операций в 1942 году и оккупация Французской Северной Африки осенью и зимой с помощью большой англо-американской экспедиции... Я тщательно изучил ум президента... и был уверен, что его сильно привлекает североафриканский план»³⁵.

8 июля Черчилль отправил Рузвельту телеграмму, существо которой будет ясно из следующего отрывка: «Ни один ответственный британский генерал, адмирал или маршал авиации не считает возможным рекомендовать «Большой молот» в качестве практически осуществимой операции в 1942 году. Лично я уверен, что оккупация Французской Северной Африки является лучшим способом облегчить положение на русском фронте в 1942 году»³⁶.

Ситуация создавалась очень острая, и, чтобы найти выход из положения, в Лондоне вновь было созвано совещание английских и американских представителей. Они заседали с 16 по 24 июля. Основным вопросом было: «Факел» или «Большой молот»? Гопкинс, Маршалл, Эйзенхауэр и большинство американцев отстаивали «Большой молот», то есть высадку 6—8 дивизий на французском берегу в сентябре 1942 года. В тот момент события на советском фронте носили очень угрожающий характер — немецкие войска рвались к Сталинграду, — и американские деятели считали, что имеются налицо те условия, которые, согласно апрельским решениям, предусматривали необходимость операции «Большой молот».

Едва ли нужно говорить, что американскими стратегами при этом руководили отнюдь не сочувствие к СССР, не стремление облегчить жертвы советского народа. Как и четыре месяца назад, они исходили из своих военно-стратегических интересов. Американские генералы понимали, что Советский Союз отвлекал на себя основные силы гитлеровской Германии и тем самым давал США возможность сводить к минимуму свои потери. Не случайно общее число американцев, убитых на войне, составляет всего лишь 255 тыс. человек. Выход СССР из войны означал бы смертельную угрозу для западных держав. Чтобы избежать этого, чтобы сохранить Советскую Армию в качестве «громоотвода», американские стратеги готовы были рискнуть несколькими дивизиями.

Английские деятели во главе с Черчиллем возражали против «Большого молота», доказывали практическую невозможность такой операции

³⁵ W. Churchill. Указ. соч., Т. IV, стр. 390—391.

³⁶ Там же, стр. 391—392.

и требовали подготовки к захвату Северной Африки. К 22 июля в переговорах создался тупик.

Здесь уместно привести две любопытные записи из дневника уже упоминавшегося капитана Батчера:

«Лондон, 22 июля 1942 г.

Суть его (Эйзенхауэра. — И. М.) сообщения сводилась к тому, что во время переговоров англичане неоднократно выступали против «Большого молота», ибо они не верят, что это поможет России и в то же время подвергает нас риску тактической катастрофы... Американская точка зрения сводилась к тому, что положение в России может стать совершенно отчаянным, и в этом случае стоило бы атаковать через Ламанш даже с риском провала.

Лондон, 23 июля 1942 г.

Видел Айку (Эйзенхауэра. — И. М.) и генерала Кларка за завтраком. Второй фронт окончательно отвергнут англичанами... Айк думает, что среда 22 июля 1942 г. будет рассматриваться потомками как «самый черный день в истории»³⁷.

Так остро чувствовал в то время Эйзенхауэр неотложность открытия второго фронта в Северной Франции! В каком противоречии с этим стоят следующие слова того же Эйзенхауэра в его книге «Крестовый поход в Европу»: «В конце июня 1942 г. печать США и Англии отражала русские требования в пользу «второго фронта». Для профессионального солдата это было очень тревожным фактом. Не потому, что самая идея «второго фронта» была неправильна, а потому, что нетерпение публики явно демонстрировало полное непонимание связанных с этим проблем, в особенности времени, которое было потребно для организации такого предприятия»³⁸.

Разница между 1942 и 1951 г., как видим, весьма разительная. Но этому едва ли приходится удивляться: пикируемая книга Эйзенхауэра появилась уже в эпоху «холодной войны».

Вернемся к июльскому совещанию в Лондоне.

Гопкинс, по его собственному признанию, был «дьявольски обескуражен» решительным отказом англичан пойти на операцию «Большой молот» и апеллировал к Рузвельту. Ответ последнего был очень характерен. Президент не сделал никакой попытки спасти «американский план», принятый в апреле, он даже не обратился по этому поводу непосредственно к Черчиллю. Рузвельт просто принял оппозицию англичан, как непреложный факт, и телеграфировал Маршаллу и Гопкинсу, что надо найти другие наземные операции против немецких войск, в которых американские солдаты обязательно приняли бы активное участие в 1942 году. И в качестве возможных «других операций» президент намечал в порядке убывающей желательности: наступление в Алжире или Марокко; операцию «Факел»; операцию в Северной Норвегии; поддержку американскими силами британского наступления в Египте; американские операции в Иране и на Кавказе³⁹.

Чем объяснялось поведение Рузвельта?

Оно вытекало главным образом из соображений внутренней американской политики. Президент опасался, что если бы в результате отказа от «Большого молота» американские войска в Европе ограничились только подготовкой к вторжению в Северную Францию в 1943 г., то есть почти через год, американские сторонники удара против Японии подня-

³⁷ Captain H. Butcher. Указ. соч., стр. 27—29.

³⁸ D. Eisenhower. Указ. соч., стр. 52.

³⁹ R. Sherwood. The White House Papers... Vol. II, p. 610.

ли бы страшный шум по поводу «бездействия США» на европейском фронте и могли бы, пожалуй, добиться изменения линии генеральной стратегии войны. Вот почему Рузвельт тогда дал Гопкинсу и Маршаллу директиву добиться того, чтобы американские солдаты в 1942 г. где-либо (не обязательно во Франции) сражались против германских войск. Интересы СССР при этом весьма мало трогали американских политиков.

После получения указанной директивы Гопкинсу и Маршаллу уже нетрудно было договориться в Лондоне с англичанами: победу одержала английская линия, и было решено, что в 1942 г. англо-американцы проведут операцию «Факел». По совету Гопкинса, опасавшегося проволок со стороны англичан при осуществлении даже и этой операции, Рузвельт потребовал, чтобы военные действия в Северной Африке были начаты не позже 30 октября 1942 года. Это условие было принято Черчиллем⁴⁰.

Одновременно было решено, что подготовка к большому вторжению в Северную Францию весной 1943 г. будет продолжаться, но это был лишь пустой жест. Черчилль пишет в своих мемуарах: «Общее мнение американских военных... сводилось к тому, что решение в пользу «Факела» исключает всякую возможность крупной трансатлантической операции для оккупации Франции в 1943 году. Я еще не мог тогда согласиться с этим»⁴¹.

Черчилль здесь утверждает явную неправду. Хорошим свидетелем этого может служить английский фельдмаршал Монтгомери. В своих воспоминаниях о войне он пишет: «Когда северо-африканский проект был одобрен, все понимали, что его стоимость в объединенных ресурсах будет означать не только отказ от всяких операций в Западной Европе в 1942 г., но также невозможность закончить подготовку сил в Англии для крупной трансатлантической атаки в 1943 году»⁴².

Так в июле 1942 г. англичанами и американцами было принято решение, которое фактически аннулировало их же собственное решение, согласованное всего три месяца назад. Теперь фактически вопрос об открытии второго фронта в Северной Франции был снят с порядка дня и отодвинут в неопределенное будущее, вопреки англо-советско-американскому коммюнике от 12 июня 1942 года. И все это происходило в тот момент, когда гитлеровские армии начали свое наступление на Сталинград!

Не удивительно, что Советское правительство, которое уже в середине июля получило из Лондона известие о предстоящем нарушении правящими кругами США и Англии своих обещаний, было возмущено поведением союзников. В послании от 23 июля на имя Черчилля глава Советского правительства писал: «Что касается... вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год»⁴³.

Когда июльские решения были приняты, главной заботой Рузвельта и Черчилля стало: как сообщить Советскому правительству о том, что никакого второго фронта в 1942 г. не будет? После некоторого обмена

⁴⁰ Описание июльских переговоров см. R. S h e r w o o d. The White House Papers... Vol. II, p. 609—612.

⁴¹ W. Churchill. Указ. соч. Т. IV, стр. 581.

⁴² Field-Marschal Montgomery. Normandy to the Baltic. London, 1947, p. 1.

⁴³ «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. 1, стр. 54.

мнениями они решили, что это лучше всего сделать самому Черчиллю и притом в СССР. 31 июля британский премьер телеграфировал И. В. Сталину: «Я хотел бы, чтобы Вы пригласили меня встретиться с Вами лично в Астрахани, на Кавказе или в каком-либо другом подходящем месте»⁴⁴.

Черчилль получил просимое приглашение, но не в Астрахань или на Кавказ, а в Москву, куда и прибыл в сопровождении начальника имперского Генерального штаба Алана Брука 12 августа 1942 года. Туда же прибыл в качестве представителя Рузвельта Э. Гарриман.

Переговоры между советской и англо-американской сторонами продолжались четыре дня, но, как и следовало ожидать, никакого соглашения между ними не состоялось. Об этом лучше всего свидетельствуют меморандумы, которыми обменялись глава Советского правительства и британский премьер. И. В. Сталин 13 августа 1942 г. писал: «В результате обмена мнений в Москве, имевшего место 12 августа с. г., я установил, что Премьер-Министр Великобритании г. Черчилль считает невозможной организацию второго фронта в Европе в 1942 году». Изложив далее те отрицательные последствия, которые должен иметь отказ англо-американской стороны от второго фронта в 1942 г., И. В. Сталин заканчивал: «Мне и моим коллегам кажется, что 1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил. Неизвестно, будет ли представлять 1943 год такие же благоприятные условия для создания второго фронта, как 1942 год... Но мне, к сожалению, не удалось убедить в этом господина Премьер-Министра Великобритании, а г. Гарриман, представитель Президента США при переговорах в Москве, целиком поддержал господина Премьер-Министра»⁴⁵.

В ответном меморандуме от 14 августа Черчилль выдвинул следующую концепцию: «Самым лучшим видом второго фронта в 1942 году, единственно возможной значительной по масштабу операцией со стороны Атлантического океана является «Факел». Если эта операция сможет быть осуществлена в октябре, она окажет больше помощи России, чем всякий иной план. Эта операция подготавливает также путь на 1943 год»⁴⁶.

Несмотря на резко отрицательное отношение советской стороны к данной точке зрения, англо-американская сторона все-таки пыталась в дальнейшем выдать «Факел» за второй фронт, которого требовал Советский Союз. Так, не кто иной, как Рузвельт в момент высадки англо-американских войск в Северной Африке объявил, что данная операция «представляет эффективный второй фронт для помощи нашим героическим союзникам в России».

Но так как Советский Союз решительно отказывался принимать «Факел» за «Оверлорд», англо-американская сторона вынуждена была сделать новый поворот в своей пропаганде. Ярче всего это выразилось в парламентском выступлении Черчилля 21 сентября 1943 года. «Я никогда не рассматривал, — говорил Черчилль, — эту африканскую операцию, как замену прямой атаки через Ламанш против Германии во Франции или в Бельгии и Голландии. Напротив, открытие нового фронта в Средиземном море я и другие считали существенным предварительным шагом к главной атаке на Германию и цепь ее сателлитов и оккупированных стран». И далее Черчилль заявлял, что операция в районе Средиземного моря — не второй, а «третий фронт». Что же касается второго фронта, то он «потенциально уже существует и стремительно набирает силу, хотя еще не открыт»⁴⁷.

⁴⁴ Там же, стр. 55.

⁴⁵ Там же, стр. 58—59.

⁴⁶ Там же, стр. 59.

⁴⁷ W. Churchill. Указ. соч. Т. V, стр. 140.

Итак, «Факел» — не второй фронт, а лишь необходимая предпосылка для второго фронта!

В январе 1943 г. в Касабланке произошла новая встреча Рузвельта и Черчилля. Наступил 1943 год, и стал приближаться момент, когда англичане и американцы должны были реализовать свое обещание об открытии второго фронта в Северной Франции. Сразу после окончания конференции в Касабланке, 27 января 1943 г., Рузвельт и Черчилль направили Сталину большое совместное послание, излагая свои военные планы. Оно было построено по хорошо известному шаблону. Сначала в общих фразах давались самые широковещательные заверения. «Наше основное желание, — говорилось в послании, — состоит в том, чтобы отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и направить в Россию максимальный поток снабжения».

Дальше шла расшифровка сделанного обещания, и тут неожиданно обнаруживалось, что основные операции 1943 г. должны были осуществляться на Средиземном море и в Тихом океане, а в Европе предусматривалось лишь быстрое увеличение воздушных бомбардировок. Таким образом, вторжение в Северную Францию опять откладывалось. Это, конечно, не устраивало СССР, и потому в кратком ответном послании Сталина от 30 января был поставлен следующий вопрос: «Понимая принятые Вами решения в отношении Германии, как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в Европе в 1943 г., я был бы Вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намечаемых сроках их осуществления»⁴⁸.

9 февраля Черчилль телеграфировал Сталину от своего имени и от имени Рузвельта, что союзники ставят себе в качестве конкретных задач: а) ликвидацию в апреле четверти миллиона немецких и итальянских солдат в Тунисе; б) захват в июле Сицилии, после чего последует операция в восточной части Средиземного моря, вероятно, против Додеканезских островов. Далее говорилось: «Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, к операции форсирования Канала (Ламанша.— И. М.) в августе... Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь»⁴⁹.

Тем временем закончилась великая битва под Сталинградом, гитлеровские войска потерпели жестокое поражение, — произошел перелом в ходе всей второй мировой войны. С одной стороны, этот перелом укрепил среди широких демократических масс уверенность в окончательной победе над фашизмом, а с другой стороны, он породил в правящих кругах Англии и США настроения, которые лучше всего характеризовались примерно такой формулой: «Слава богу, самое худшее уже позади, теперь можно вернуться к своим очередным делам, а русские как-нибудь справятся сами».

В такой обстановке правящие круги США и Англии стали все меньше вспоминать о своих обязательствах в отношении СССР и все больше концентрировать свои усилия на захвате Сицилии. Теперь Черчилль выдвинул новую концепцию: наиболее уязвимым сектором европейского гитлеровского фронта является будто бы, как он выражался, «мягкое подбрюшье Европы», то есть Италия. Стало быть, именно сюда должен быть направлен удар англо-американских сил. Нашлось, конечно, достаточно военных экспертов, которые стали усердно доказывать, что трансламаншская операция «преждевременна и грозит катастрофой» и что поэтому в качестве ближайшего объекта наступления следует наметить Италию. Началась борьба за Сицилию. Когда этот остров был за-

⁴⁸ «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. I, стр. 87.

⁴⁹ Там же, стр. 92.

хвачен, последовала высадка англо-американских войск на Апеннинском полуострове, а в дальнейшем длительная кампания за оккупацию всей Италии, что даже с чисто военной точки зрения являлось весьма сомнительной операцией. Известный английский военный писатель генерал Фуллер в своей книге «Вторая мировая война» пишет, например: «Вследствие настояний Черчилля энергично проводить кампанию по завоеванию Италии после освобождения Сицилии союзники частично потеряли с трудом завоеванную ими инициативу в ходе кампании, которая по отсутствию стратегического смысла и тактического воображения является уникальной в военной истории»⁵⁰.

Оккупация Французской Северной Африки перерастала в обширный и разветвленный средиземноморский фронт. И соответственно все дальше и дальше отодвигалось вторжение в Северную Францию через Ламанш. Место 1943 г. для этой операции теперь занял 1944 г., да и о нем английские и американские деятели говорили без большой уверенности.

Какова же была в течение всего этого времени позиция американских правящих кругов?

Если судить по опубликованному в послевоенное время историографическим материалам американского происхождения, то создается впечатление, что Рузвельт, Маршалл, Эйзенхауэр и др. были недовольны линией Черчилля и все время старались осуществить скорейшее вторжение в Северную Францию. Так, Эйзенхауэр вспоминает: «В последние недели кампании в Тунисе (апрель — май 1943 г.— И. М.)... генерал Маршалл и я думали, что все, что делается в Средиземном море, является подсобным и содействующим главной цели — трансламаншской атаке в начале 1944 года. ...Другие, однако, считали, что на войне самое важное — использовать всякий шанс, как только он представится, и, если дела идут хорошо в «мягком подбрюшье», мы не должны останавливаться только потому, что мы решили провести трансламаншскую операцию»⁵¹.

Совершенно ясно, что под именем «других» Эйзенхауэр здесь имеет в виду Черчилля и его окружение. Далее Эйзенхауэр касается англо-американской конференции в Вашингтоне, происходившей в мае 1943 г., и в данной связи рассказывает: «Мистер Черчилль был особенно красноречив, рисуя розовую картину возможностей, которые открываются перед нами с захватом Сицилии. В дискуссиях на конференции он, однако, утверждал, что у него нет ни малейшего желания как-либо мешать подготовке трансламаншской атаке в 1944 году... Зато в частном разговоре Алан Брук сказал мне, что был бы рад пересмотру трансламаншского проекта вплоть до исключения его из союзной стратегии»⁵².

Полгода спустя Эйзенхауэр встретился с Черчиллем на Мальте перед Каирской конференцией (происходившей в ноябре 1943 г.) и имел с ним большой разговор. Черчилль в этом разговоре восклицал: «Мы должны позаботиться, чтобы воды Ламанша не покраснели от крови американских и английских юношей, или чтобы его берега не были завалены их трупами»⁵³. Черчилль вообще любил пугать неизбежностью огромных потерь, когда речь заходила о вторжении в Северную Францию. Это был один из выдуманных им аргументов против трансламаншской операции.

В другом месте Эйзенхауэр говорит: «...Англичане... считали, что максимальная концентрация усилий на итальянском фронте может неожиданно привести к тому, что трансламаншская операция либо станет

⁵⁰ J. F. C. Fuller. The Second World War 1939—1945. London. 1948, p. 260—261.

⁵¹ D. Eisenhower. Указ. соч., стр. 160.

⁵² Там же, стр. 167.

⁵³ Там же, стр. 194.

совсем ненужной, либо превратится в мелкую аферу по ликвидации остатков разбитой армии неприятеля»⁵⁴.

Выходит, таким образом, что американцы были недовольны англичанами, недовольны систематическими отсрочками трансатлантической операции и переключением главных усилий Великобритании и США на бассейн Средиземного моря. Но что же американские правящие круги сделали для пересмотра этой стратегической концепции? Что в 1942 и 1943 гг. они сделали для осуществления скорейшего вторжения в Северную Францию?

По существу, ничего. В Вашингтоне ограничивались лишь словесными протестами против планов Черчилля. Вот почему американские правящие круги наряду с английскими несут полную ответственность за отсрочку второго фронта со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Тем временем происходили серьезные изменения в ходе войны. После сталинградской битвы советские войска, продолжая успешное контрнаступление, упорно гнали на запад гитлеровские полчища и к концу 1943 г. вышли на линию Днепра. Англо-американские военные силы оккупировали Северную Африку, Сицилию, Сардинию и перенесли военные операции на итальянский полуостров. Становилось очевидным, что германская победа исключена, что в скором времени Советская Армия сможет сама довести до победного конца войну с гитлеровской Германией и освободить всю Европу.

4 июня 1943 г. Рузвельт уведомил Сталина о военных планах США и Англии, выработанных в мае на вашингтонском совещании американского президента с британским премьером. Эти планы предусматривали усиление борьбы против подводных лодок, возлечение Турции в войну против фашистской коалиции либо в качестве активного, либо в качестве пассивного союзника, ослабление военной мощи Японии, оказание помощи Китаю и французским вооруженным силам в Африке, а также выведение Италии «из войны в ближайший возможный момент времени». Здесь было все, кроме второго фронта во Франции. Советскому Союзу вновь обещалось лишь максимальное развертывание воздушных операций над Германией и оккупированной ею частью Европы⁵⁵.

Таким образом, слово об открытии второго фронта в Северной Франции в 1943 г. было снова нарушено.

Глава Советского правительства ответил на сообщение Рузвельта посланием от 11 июня 1943 г., в котором открыто заявил, что стратегические решения, принятые Рузвельтом и Черчиллем в мае, «находятся в противоречии с теми решениями, которые были приняты Вами и г. Черчиллем в начале этого года», и что Советское правительство «не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос»⁵⁶.

Черчилль поспешил уверить Сталина, что Англия и США якобы предпринимают действия, которые являются не только правильными, но и единственно физически возможными в данных обстоятельствах (послание от 19 июня 1943 года)⁵⁷.

Сталин ответил 24 июня телеграммой, которая заканчивалась словами: «Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании

⁵⁴ Там же, стр. 198.

⁵⁵ «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. II, стр. 66—68.

⁵⁶ Там же. Т. I, стр. 131.

⁵⁷ См. там же, стр. 132—134.

Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям»⁵⁸.

В июле 1943 г. произошла известная битва под Курском и Орлом. Немецкие войска понесли тяжелое поражение, и для всех стало ясно, что они окончательно выдохлись и больше никакие серьезные наступательные операции не в состоянии осуществить. Напротив, советское контрнаступление развивалось со все нарастающей силой. Стал в полной мере вырисовываться победоносный для СССР конец войны. Это обстоятельство оказало сильнейшее влияние на позицию руководящих кругов США, ибо теперь с особенной остротой вставал вопрос: кто же, какая из держав антигитлеровской коалиции будет играть решающую роль при ликвидации войны и организации послевоенного устройства мира? При таких условиях дальнейшее откладывание второго фронта в Северной Франции грозило чрезвычайно ослабить позиции США после окончания войны. Английские и американские правящие круги были вынуждены сделать крутой поворот, и он был сделан в августе 1943 г. на конференции в Квебеке.

Позиция американских представителей на этот раз была ясно изложена военным министром Стимсоном. Министр предлагал принять наконец эффективные меры к тому, чтобы в 1944 г. был открыт второй фронт в Северной Франции и чтобы главнокомандующим армией вторжения был американец, а не англичанин, ибо, как заявлял Стимсон, забывая при этом о позиции собственного правительства, Англия все время занимала в данном вопросе половинчатую позицию.

Рузвельт полностью поддержал американских военных руководителей. Не в пример прошлому Черчилль на этот раз вынужден был уступить. Организация большого вторжения во Францию была намечена на 1 мая 1944 г., причем командование этой операцией передавалось американскому генералу.

Однако и теперь не прекратились дальнейшие затяжки и проволочки с открытием второго фронта в Северной Франции. Даже и теперь Черчилль продолжал защищать и продвигать свои средиземноморские планы всеми доступными ему средствами.

Только Тегеранская конференция глав трех держав — Сталина, Рузвельта и Черчилля, — происходившая 28 ноября — 1 декабря 1943 г., наконец обеспечила открытие второго фронта на Западе. Главную роль сыграла, конечно, советская сторона. Черчилль даже в Тегеране пробовал выступить с проектом расширения военных операций в районе Средиземного моря и организации второго фронта на Балканах. Но тут Рузвельт выступил против него и поддержал советскую точку зрения. Результатом было окончательное решение: большое вторжение в Северную Францию устроить 1 мая 1944 года. Советское правительство, со своей стороны, обещало одновременно с «Оверлордом» начать крупные наступательные операции на восточном фронте.

Затем началась подготовка к практическому осуществлению тегеранских решений. Главным командующим «Оверлорда» 7 декабря 1943 г. был назначен генерал Эйзенхауэр. 19 февраля 1944 г. Черчилль сообщал Сталину: «...все приготовления к «Оверлорду» развиваются хорошо»⁵⁹.

На самом деле положение было далеко не столь благоприятно. Многие английские, а также некоторые американские руководители относились к «Оверлорду» без всякого энтузиазма, и это отражалось в их действиях. Развертывание всех необходимых подготовительных работ осложнялось. Происходила борьба между ведомствами, зря терялось много времени. Операции в Италии также затягивались. Одним из последствий всего этого явилось перенесение срока вторжения с 1 на 31 мая.

⁵⁸ Там же, стр. 138.

⁵⁹ Там же, стр. 201.

25 апреля от генерала Дина, начальника американской военной миссии в СССР, было получено сообщение: «Русские начнут наступление одновременно с вторжением во Францию»⁶⁰.

9 мая 1944 г. Батчер записал в своем дневнике: «Решено, что днем вторжения будет день «V» плюс 4 дня («V» означало 1 июня.— И. М.). В дни 4, 5, 6 и 7 благоприятные приливы и полнолуние. Точная дата еще должна быть установлена»⁶¹.

Наконец 5 июня 1944 г. Батчер занес: «Решающий день почти окончательно намечен на завтра в 6.40 утра»⁶².

6 июня Черчилль телеграфировал Сталину: «Все началось хорошо. Мины, препятствия и береговые батареи в значительной степени преодолены. Воздушные десанты были весьма успешными и были предприняты в крупном масштабе. Высадка пехоты разворачивается быстро, и большое количество танков и самоходных орудий уже на берегу. Видны на погоду сносные, с тенденцией на улучшение»⁶³.

Настойчивость Советского Союза наконец увенчалась успехом: второй фронт в Северной Франции стал фактом. Но к этому моменту второй фронт потерял очень значительную часть своей ценности.

Подведем некоторые итоги.

1. Несмотря на старания многих англо-американских историков и публицистов всячески прикрасить неприглядную позицию правящих кругов США и Англии в вопросе об открытии второго фронта, не подлежит ни малейшему сомнению — и это, как нам кажется, доказано всем предыдущим изложением, — что западные державы неоднократно нарушали в годы второй мировой войны свои союзнические обязательства в отношении СССР.

2. В основе борьбы по проблеме второго фронта внутри антигитлеровской коалиции лежали противоречия двух систем — капиталистической и социалистической.

3. Наряду с этой главной линией противоречий имелась и другая, несравненно менее существенная — линия противоречий между США и Англией, обуславливавшаяся различными, а иногда и прямо противоположными экономическими и политическими интересами обоих названных государств.

4. Как, однако, ни были велики противоречия между СССР и англо-американскими правящими кругами, антигитлеровская коалиция сохранилась, вопреки усилиям гитлеровцев ее расколоть, и в конечном счете пришла к согласованному решению. Этот исторический факт является неоспоримым доказательством того, что при наличии доброй воли с обеих сторон мирное сосуществование государств с различными общественно-экономическими системами вполне осуществимо.

⁶⁰ Captain H. Butcher. Указ. соч., стр. 526.

⁶¹ Там же, стр. 534.

⁶² Там же, стр. 561.

⁶³ «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. I, стр. 225—226.